

найповніше мають реалізувати духовний потенціал особистості та сприяти розвитку освітнього і духовного життя суспільства, здатний побороти екологічну й духовно-моральну кризи, в яких виявилася сучасна цивілізація і кожна молода людина, адже, духовність – це вимір життя окремої людини і людства загалом.

Список використаних джерел

1. Поліщук Н. В. Науково-технічний прогрес і духовно-моральне становлення молоді: [монографія] / Поліщук Н. В. – Рівне: О. Зень, 2012. – 464 с.
2. Гершунский Б. С. Философия образования / Б. С. Гершунский. – М.: Московский психолого-социальный институт, Флинта, 1998. – 432 с.
3. Клепко Сергій. Філософія освіти в педагогічній освіті / Клепко С. / Філософія освіти. – 2007. – №1 (6). – С.252–259.
4. Андрущенко Віктор. Педагогічна освіта: Історико-філософська рефлексія для майбутнього розвитку / В. Андрущенко / Філософія освіти. – 2007. – №1 (6). – С.7–15.
5. Бех В. П. Человек и Вселенная: когнитивный анализ / В. П. Бех. – Запорожье: “Тандем-У”, 1998. – 148 с.
6. Кремень В. Г. Трансформації особистості в освітньому просторі сучасної цивілізації / В. Г. Кремень // Професійно-технічна освіта. – 2009. – №1. – С.3–6.
7. Філософія: навчальний посібник / [Л. В. Губерський, І. Ф. Надольний, В. П. Андрущенко та ін.]; за ред. І. Ф. Надольного. – К.: Вікар, 2008. – 534 с.
8. Петрушенко В. Л. Філософія: [Текст]: навч. посіб. (в 2-х част.) / В. Л. Петрушенко. – Львів: Новий світ. – 2000, 2011. – 647 с.
9. Денежніков С. Вплив NBIC-конвергенції технологій на еволюцію антропосоціогенезу: виклики сучасності [Електронний ресурс] / С. Денежніков. – 2012. – Режим доступу: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/39527/02-Dyenezhnikov.pdf?sequence=1>. – Назва з екрану.
10. Філософія: навчальний посібник / За ред. Т. О. Сілаєвої. – Тернопіль: Астон, 2008. – 360 с.
11. Оксенюк О. В. Формування національних цінностей в учнів у контексті сучасного педагогічного мислення / Оксенюк О. В. // Оновлення змісту, форм і методів навчання і виховання у закладах освіти: зб. наук. праць РДГУ. – Рівне: Вид-во РДГУ. – 2008. – Вип.40. – С.69–72.
12. Базалук О. А. Філософія образования в свете новой космологической концепции [Текст] / О. А. Базалук. – К.: Кондор, 2010. – 458 с.

References

1. Polishhuk N.V. Naukovo-tehnichnyj progres i duhovno-moral'ne stanovlennja molodi: [monografija] / Polishhuk N.V. – Rivne: O.Zen', 2012. – 464 s.
2. Gershunskij B.S. Filosofija obrazovanija / B.S. Gershunskij. – M.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut, Flinta, 1998. – 432 s.
3. Klepko Sergij. Filosofija osvity v pedagogichnij osviti / Klepko S. / Filosofija osvity. – 2007. – №1 (6). – S.252–259.
4. Andrushhenko Viktor. Pedagogichna osvita: Istoryko-filosovs'ka refleksija dlja majbutn'ogo rozvytku / V.Andrushhenko / Filosofija osvity. – 2007. – №1 (6). – S.7–15.
5. Beh V.P. Chelovek i Vselennaja: kognitivnyj analiz / V.P. Beh. – Zaporozh'e: “Tandem-U”, 1998. – 148 s.
6. Kremen' V.G. Transformacii' osobystosti v osvith'omu prostori suchasnoi' cyvilizacii' / V.G. Kremen' // Profesiyno-tehnichna osvita. – 2009. – №1. – S.3–6.
7. Filosofija: navchal'nyj posibnyk / [L.V. Gubers'kyj, I.F. Nadol'nyj, V.P. Andrushhenko ta in.]; za red. I.F. Nadol'nogo. – K.: Vikar, 2008. – 534 s.
8. Petrushenko V.L. Filosofija: [Tekst]: navch. posib. (v 2-h chast.) / V.L. Petrushenko. – L'viv: Novyj svit. – 2000, 2011. – 647 s.
9. Djenjezhnikov S. Vplyv NBIC-konvergencii' tehnologij na evoluciju antroposociogenezu: vyklyku suchasnosti [Elektronnyj resurs] / S.Djenjezhnikov. – 2012. – Rezhym dostupu: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/39527/02-Dyenezhnikov.pdf?sequence=1>. – Nazva z ekranu.
10. Filosofija: navchal'nyj posibnyk / Za red. T.O. Silajevoi'. – Ternopil': Aston, 2008. – 360 s.
11. Oksenjuk O.V. Formuvannja nacional'nyh cinnostej v uchniv u konteksti suchasного pedagogichного myslennja / Oksenjuk O.V. // Onovlennja zmistu, form i metodiv navchannja i vyhovannja u

zakladah osvity: zb. nauk. prac' RDGU. – Rivne: Vyd-vo RDGU. – 2008. – Vyp.40. – S.69–72.

12. Bazaluk O.A. Filosofija obrazovanija v svete novoj kosmologicheskoy koncepcii [Tekst] / O.A. Bazaluk. – K.: Kondor, 2010. – 458 s.

Polishchuk N. V., candidate of engineering science, associate professor of Rovno state humanitarian university (Ukraine, Rovno), pnv202@ukr.net

Modern scientific and technical progress in the context of formation of spirituality of youth

The author analyzes communication of philosophy of formation with spiritually-moral education of youth during an epoch of scientific and technical progress (STP). In clause the philosophical problem of influence STP on spiritually-moral becoming of the person as intellectual, spiritually rich and formed expert, on its nature and activity in an information society of XXI century as person wise with progressive mentality is investigated. It is proved, that only the union between STP and new quality of formation and spiritually-moral education of young generation, their mentality, consciousness, is capable to overcome spiritual crisis in which there was a modern civilization as, spirituality – the maximum value of meaning of the life of mankind.

Keywords: philosophy of formation, scientific and technical progress, young generation, the person, consciousness, spirituality, a spiritual life of a society, morals.

Полищук Н. В., кандидат технических наук, доцент, Ровенский государственный гуманитарный университет (Украина, Ровно), pnv202@ukr.net

Современный научно-технический прогресс в контексте формирования духовности молодежи

Автор анализирует связь философии образования с духовно-нравственным воспитанием молодежи в эпоху научно-технического прогресса (НТП). В статье исследована философская проблема влияния НТП на духовно-нравственное становление человека как интеллектуального, духовно богатого и образованного специалиста, на его природу и деятельность в информационном обществе XXI века как человека мудрого с прогрессивной ментальностью. Обосновано, что только союз между НТП и новым качеством образования и духовно-нравственным воспитанием молодого поколения, их ментальности, сознания, способен побороть духовный кризис, в котором оказалась современная цивилизация, поскольку духовность – высшая ценность смысла жизни человечества.

Ключевые слова: философия образования, научно-технический прогресс, молодое поколение, личность, сознание, духовность, духовная жизнь общества, нравственность.

* * *

УДК 930.1

Шапиро А. С.

аспирантка кафедры естественнонаучных факультетов философского факультета, Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова (Украина, Одесса), a.s.shapiro.uk@gmail.com

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ “СОБЫТИЕ–НА–ПРЕДЕЛЕ”

Понятие “событие на пределе” выкристаллизовывается в рамках дискуссии о возможности репрезентации “окончательного решения” еврейского вопроса. Единоразы упомянутое С. Фридландером в сборнике “Probing of the Limits of Representation” (1992), дополненное П. Рикером, оно неоднократно используется в десятках научных статей и находит свое отражение в эмпирии. Однако, спустя более чем два десятилетия, понятие “Событие на пределе” до сих пор не концептуализировалось. Автор статьи рассматривает истоки событий, приведенных к ситуации введения нового понятия; освещает существующие подходы к его определению, а также возможности его расширения и применения к другим историческим событиям. Результатом данной работы оказывается собственное определение понятия “событие на пределе” и основания для определения трагических исторических событий как предельных.

Ключевые слова: событие на пределе, Холокост, историческая репрезентация, историческая интерпретация, Спор историков.

(статья друкється мовою оригіналу)

Трагический опыт XX века заставил во многом по-новому воспринимать привычные для описания исторической реальности понятия. Это коснулось и такого фундаментального понятия как “событие”. Историография XIX века накрепко вписывала любое событие в общую картину развития человечества, неуклонно движущегося по пути прогресса (иногда – регресса, но в любом случае, закономерного поступательного движения в некоем направлении). Однако XX век не дал человечеству сохранить просвещенческую уверенность в том, что всякое событие может быть истолковано “sub specie aeternitatis”. Многое из происшедшего включать в некую общую схему движения человечества оказывается просто кошунственно, бесчеловечно, ведь такое включение подспудно содержит в себе оправдание любого ужаса (К. Поппер, В. Беньямин, Ж.–Ф. Лиотар, Г. Иггерс). Таким образом, в философии истории появилось понятие “события–на–пределе”.

Понятие “Событие на пределе” (“event at the limits”) было впервые предложено ведущим израильским историком Саулом Фридландером (Saul Friedländer) в рамках международного коллоквиума “История, событие, дискурс” (1989), в ходе которого Х. Уайтом был поставлен главный вопрос: “Могут ли такие события как нацизм и “окончательное решение” быть осюжечены (emplotted) в любой модели, символах, сюжетах и жанрах нашей культуры, которая предусматривает “осмысление” таких экстремальных явлений в нашем прошлом? Или же данные события принадлежат к особому классу событий, которые отличны от Французской революции, Гражданской войны в США, русской революции или Китайского Большого скачка, и они должны рассматриваться как проявления только одной истории, как осюжеченные единым образом, где в качестве означающего вложен только один смысл?” [27, с. 37–38].

Результатом данного коллоквиума стала публикация знакового сборника “Исследование границ репрезентации” (“Probing the Limits of Representation: Nazism and the “Final Solution””, 1992), которая во многом определила ход дальнейшей дискуссии относительно возможности создания исторического нарратива и репрезентации Катастрофы европейского еврейства времен II мировой войны.

Так, понятие “Событие на пределе” в том, виде, которое оно было сформулировано С. Фридландером, оказалось востребованным в философии истории и нашло свое отражение в многочисленных исследованиях, главным образом посвященных возможности репрезентации Холокоста и Освенцима как его главного символа. В частности, разрешение данных вопросов освещалось в работах Берела Ленга, Доминика ЛаКапра, Ричарда Стемпа, Мишеля Бернарда–Доналса и Ричарда Глезгера [24; 25; 23; 26; 18], а также проходило красной нитью в большинстве исследований, публикуемых в специализированном журнале “History and Memory” (издательство: “Indiana University Press”, 1989–2014 (Vols. 1–26)) [21].

Особенно важными предстают следующие выпуски: Vol. 4 (N. 1, 1992), Vol. 7 (N. 2, 1995), Vol. 9 (N. 1/2, 1997), Vol. 10 (N. 1, 1998), Vol. 15 (N. 1, 2003) и Vol. 17 (N. 1–2, 2005). Среди отечественных разработок особую ценность имеют исследования Виктории Суковой и Валерия Подороги [14; 9].

В философию истории данное понятие вошло во многом благодаря П. Рикёру, который включил его в общий контекст проблематики памяти и истории. В своём фундаментальном труде “Память, история, забвение” [10] Рикёр популяризирует идеи Фридландера, показывая их именно в оптике проблематики исторической репрезентации.

При этом, само понятие “Событие на пределе”, иногда упоминаемое как “предельное событие” (“a limit event”), и, как правило, используется в метафорическом смысле как общепонятное, или с отсылкой к ясперовскому понятию “пограничной ситуации” [17].

В связи с этим, нам представляется важным проследить историко–философский контекст, в результате которого было заявлено данное понятие; дать четкое определение понятию “событие на пределе”, которое, спустя почти двадцать лет после его введения в философско–исторический дискурс, до сих пор не приобрело четких теоретических очертаний; определить смысловое и ситуационное поле, в котором оно может быть использовано, а также основания для определения отличных от Холокоста трагических исторических событий как предельных.

Проблемным полем данного исследования является возможность репрезентации “событий на пределе” в историческом нарративе, где объектом исследования выступает репрезентация исторического события, а предметом – понятие “событие на пределе” как вызов историческому нарративу.

Основанием данной дискуссии стал продолжающийся на тот момент постмодернистский философский дискурс, связанный с работами Ж. Деррида (“О грамматологии”, 1967), М. Фуко (“Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы”, 1975), Ж.–Ф. Лиотара (“Состояние постмодерна”, 1979), главным образом обращающий внимание на влияние текста, языка и литературы при создании исторического нарратива. И если один из постулатов постмодернизма можно сформулировать таким образом, что “не существует ничего вне текста” (Ж. Деррида), вследствие этого “люди могут соотносить себя с реальностью только одним способом: через посредство языка” [11, с. 20]. Он, язык, не только посредничает в отношениях с реальностью и интерпретирует ее, но и конструирует ее, вследствие чего “не существует объективного описания в гуманитарных и общественных науках [и, в том числе, в историографии – авт.], существует только субъективная интерпретация” [11, с. 15].

Влияние постмодернистской идеологии на историографию с наибольшей остротой запечатлел Хейден Уайт в своем знаменитом труде “Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века” (1973) [15], где автор доказывает, что всякое историописание в традициях XIX века оказывается реализацией построения одного из сценариев видения всемирной

истории в одной из четырех предзаданных литературных форм.

В соответствии со стройной, а по словам самого Уайта – формалистской схемой, представленной в работе, историк, создавая историописание, из всего многообразия систем аргументации в первую очередь выбирает один из типов построения сюжета [emplotment] (Трагический, Комический, Сатирический и Романтический), далее, один из типов доказательств (формистский, механистический, организационный или контекстуалистский) и, в завершении, тип идеологического подтекста (анархический, радикальный, консервативный или либеральный). Подробно исследуя работы Мишле, Ранке, Токвиля и Букхарда, Уайт делает вывод, что “каждая история, даже наиболее “синхроническая”, будет каким-то образом преобразована в сюжет” [15, с. 27], где одни и те же исторические события, “могут служить различным типом элемента многих различных исторических историй... [вследствие чего]... историк располагает события в хронике по степени значимости, приписывая событиям как элементам истории различные функции таким образом, чтобы раскрыть формальную связь целого набора событий, рассмотренных как постижимый процесс с различными началом, сереной и концом” [15, с. 26].

Здесь становится очевидной избирательность событий для построения того или иного исторического нарратива, в результате чего история предстает как некий конструкт, где из всего хаоса уже установленных исторических событий, историк выбирает те, которые лягут в основу его рассказа [7, с. 14]. Главным оказывается тот факт, что события становятся “видимыми” или “прозрачными” (то есть попадают в поле зрения историка, который берется его описывать) только в той ситуации, когда он берется “интерпретировать” их с некой предзаданной перспективы. “Он [историк] делает свою историю, включая одни события и исключая другие, выделяя одни и делая другие подчиненными. Этот процесс исключения, подчеркивания и подчинения осуществляется в интересах создания истории определённого типа. То есть он “строит сюжет” [emplots] своей истории” [15, с. 26]. Так, прошлое для историка представляется предметом выбора, а исторические факты конструируются историками.

Таким образом, исторический нарратив, каким он был в начале XX в., превращается из “вполне “естественного” достоверного рассказа о событиях прошлого на основании критического осмысления источников” [4, с. 9] в сконструированный и, на основе риторических тропов и повествовательных структур интерпретированный рассказ, который вписывается в одно из видений истории человечества.

Именно такой тенденциозной интерпретацией в историографии 1980–х гг. оказался известный ревизионистский “Спор историков” (нем. – Historikerstreit) (1986–87 гг.), касающийся переосмысления особого статуса преступлений национал-социализма. При безусловном моральном осуждении действий Третьего Рейха, группа немецких историков во главе с Э. Нольте отстаивала тезисы, что “во-первых, преступления нацизма не были столь

велики, как представляется, и они мало чем отличаются от преступлений в других странах; во-вторых, не все действия нацистов следует представлять как преступления, поскольку часть их политики служила благим делам; в-третьих, откровенные преступления нацистов были обусловлены такими обстоятельствами и причинно-следственными связями, что истинными виновниками преступлений предстают другие люди (партии, организации, страны)” [12, с. 46]. В частности, Эрнст Нольте в работе “Европейская гражданская война 1917–1945. Национал-социализм и большевизм” (1987) предложил радикальную, обобщающую и “нормализующую” схему сравнения двух тоталитарных режимов, где приход к власти и действия одного кровавого режима, а именно, коммунистического, привели за собой приход к власти другого, национал-социалистического, режима, который всеми своими действиями “лишь защищался от “азиатской угрозы””. В результате такого представления, нацистский террор представлялся лишь как эпизод кровавой истории “европейской гражданской войны”, в результате чего Нольте косвенно снимал с немецкого народа ответственность за совершенные преступления [6].

Главным оппонентом данной типизации выступил Ю. Хабермас, следовавший послевоенной позиции К. Ясперса и отстаивающий этическую сторону данного вопроса, которая касалась историографического толкования категории “неприемлемого” и вытекала из исключительной тяжести преступления и личной и коллективной ответственности немецкого народа перед жертвами [12, с. 47].

Именно эти два события, один из которых касался осмысления современной историографии в общем, а второй – историзации нацистского периода в истории Германии, поставили на повестку дня вопрос о природе события, имя которому “окончательное решение еврейского вопроса”. В связи с этим, С. Фридландер, безусловно осознавая тревожность данного рода пересмотров, во введении к сборнику “Исследование границ репрезентации”, первоочередно предполагает, что “здесь мы имеем дело с событием особого рода, которое требует глобального подхода и всеобщей рефлексии проблем, которые возникают в связи с его репрезентацией” [19, с. 3]. И несмотря на то, что нам “покажется само собой разумеющимся, что такая чудовищная манифестация “потенциальных” возможностей человека не будет ни забыта, ни вытеснена... [но] отказ постмодернистской мысли от возможности идентифицировать какую-то устойчивую реальность или истину за пределами постоянной полисемии и референциальности языковых единиц ставит под сомнение саму необходимость установления реальности и истины Холокоста” [19, с. 3–5].

Как автор фундаментальных исследований, касающихся изучения нацистского периода в истории Германии и связанного с ним истребления еврейской части населения (это представляющий особый интерес исторический обзор “От антисемитизма к уничтожению: историография нацистской политики по отношению к евреям и попытка интерпретации”, 1987 [16], сделанный для израильского Национального мемориала Катастрофы и Героизма Яд-Вашем, а также

более поздние фундаментальные работы: “*Nazi Germany and the Jews: The Years of Persecution, 1933–1939*”, 1997; “*The Years of Extermination: Nazi Germany and the Jews, 1939–1945*”, 2007), Фридландер, несмотря на все превратности исторических интерпретаций, не может согласиться с позицией отрицания возможности создания правдивой репрезентации Холокоста. Эта установка во многом перекликается с гораздо более поздним тезисом Хейдена Уайта, который, в свою очередь предостерегал, что “самая предельная позиция связана как раз не с так называемым ревизионизмом, но скорее с теми, кто придерживается точки зрения, что это событие такого рода, что его невозможно осознать, осмыслить и описать, ни в одном языке и никоим образом – вербально, визуально, проговаривая или жестикулируя – одним словом “репрезентировать” событие” [Цит. по: 20, с. 166–167].

Однако при этом С. Фридландер подчеркивает, что, несмотря на то, что “*уничтожение евреев в Европе – это историческое событие, как и любое другое доступное для интерпретации и репрезентации*”, историк делает кардинально важное уточнение, что в первую очередь “*здесь мы имеем дело с событием, которое тестирует наши традиционные концептуальные и репрезентативные категории. Это – “событие на пределе”*. ... [Об этом] говорит тот факт, что это была наиболее радикальная форма геноцида, которая когда либо существовала в истории: умышленная, систематическая, промышленно организованная и во многом успешная попытка уничтожить целую человеческую группу в XX веке” [19, с. 2–3] (курсив. – авт.).

Опираясь на глубоко этическую философскую традицию, Фридландер приводит цитату из работы Ю. Хабермаса “Историческое сознание и Пост-Традиционная идентичность”, написанную в разгар “Спора историков”: “Здесь [в Освенциме] произошло нечто, что сейчас невозможно предположить даже как возможное. Это событие коснулось наиболее глубоких пластов солидарности между всеми, кто носит человеческое лицо. До этого момента, несмотря на все обычные акты жестокости в человеческой истории, целостность этого общественного слоя воспринималась как само собой разумеющееся... [Так] Освенцим изменил основу исторической преемственности, а именно продолжение жизни в историческом контексте, и не только в Германии” [Цит. по: 19, с. 3].

И именно в данном контексте, определяя особый статус “события на пределе”, возможно, гораздо более верным оказывается использование еврейского понятия Шоа (Shoah, что в переводе означает – “Катастрофа”) в противовес общеупотребляемому “Холокост”, на чем подробно останавливается Дж. Агамбен [1, с. 28–32]. Так Понятие Холокост восходит к греческому “*holókaustos*” (hólos – “целый”, kaustós – “сожжение”) и означает “всесожжение”. Это является первым значением данного слова. Однако есть и второе, гораздо более редко упоминаемое значение, – это полное уничтожение жизни через сожжение: “мирная жертва” или “жертва за грех”, которое восходит к библейской (ветхозаветной) традиции “жертвоприношения животных, которые приносились и Б-гу и полностью сжигались” (Olah). Далее, через греческий язык термин

holocaustum начал семантическую миграцию, в результате которой он все более последовательным образом принимал в романских языках значение “вышей жертвы в форме полного самопожертвования ради священных, высших мотивов” [1, с. 30]. Что касается использования данного понятия по отношению к евреям, Дж. Агамбен прослеживает наблюдаемую в средневековых хрониках традицию, которая имеет яркую антисемитскую окраску. Но наиболее важным оказывается обнаруживаемый факт, что “термин “холокост” говорит нам о становлении связи, пусть и самой отдаленной, между Освенцимом и библейским olah, между смертью в газовых камерах и “полным самопожертвованием ради священных и высших мотивов. ... Этот термин не только предполагает неприемлемое уравнивание печей крематориев с алтарями, но и несет в себе все семантическое наследие, которое с самого начала имело антиеврейскую окраску” [1, с. 31–32].

В связи с этим, слово “*Shoa*” (ивр. – HaShoah, англ. – Shoah), которое также исходит к библейской традиции и обозначает “ошеломляющую, непреодолимую катастрофу” оказывается гораздо ближе к пониманию Трагедии, где “событие на пределе”, именно в силу своей исключительности, невозможно вписать в некий сценарий “с точки зрения вечности”.

И также, насколько неприемлемым для Дж. Агамбене оказывается использование термина “Холокост” в дискурсе осмысления Катастрофы европейского еврейства, настолько же морально неприемлемым оказывается написание жертвенных метанарративов, связанных с идеей восстановления Государства Израиль. Речь идет о так называемой знаменитой теологической “модели Иова”, которая проецируется не только на религиозные тексты, но и на историописание Холокоста. Так, смерть шести миллионов еврейского населения приносится в искупительную жертву Б-гу, в результате чего прерывается двухтысячелетнее изгнание из Земли Израиля (ивр. – Галут). “Когда страдания чуть не уничтожили евреев и почти вытеснили присутствие Всевышнего, они смогли увидеть божий знак и найти в себе силы продолжить жить, что, несомненно, дает основание говорить о Божественном Присутствии” [3, с. 361].

Подводя итог представленных в сборнике позиций представителей академической историографии, Фридландер заключает, что даже если безусловно принять факт, что “даже самые точные исторические изображения Шоа содержат в своем основании непрозрачность” [несоответствие реальности – *A. Шануро*], а наши репрезентативные способности окажутся не просто недостаточными, но и легко могут быть нарушены вследствие ревизионистских пересмотров, это не снимает налагаемую на нас ответственность нести свидетельства и записывать прошлое” [19, с. 4–5]. Именно свидетельствование, даже в той ситуации когда нет свидетеля (так называемое “события без свидетеля” [1, с. 36], когда именно свидетели самого страшного именно не могут свидетельствовать), становится подтверждением того, что события Холокоста – и по аналогии другие исторические события – действительно происходили и

(по крайней мере, теоретически) могут быть представлены в текстах [11, с. 27]. Иными словами, “несмотря на роль языка, реальность рассматриваемых событий (как бы они не назывались) и кошмарные страдания, порожденные ими, – существовали до того, как язык сконструировал их таким образом, чтобы они были доступны осмыслению” [11, с. 30].

Несмотря на то, что издание сборника “Исследование границ репрезентации” явилось переломным моментом в дискуссии касающейся возможности репрезентации Холокоста, вслед за которым последовали множественные работы исследователей из разных областей, большая часть работ по-прежнему отсылает к формулировке, принадлежащей Фридландеру, или же дает сводное определение на основании его позиции. Основываясь на обзоре последних работ, исследователь из Shoah Foundation Center при Университете Южной Каролины Симона Гиглиотти дает определение понятию “событие на пределе” на основе сводного анализа последних исследований. Так “событие на пределе” представляется как *“предельное событие, настолько уникальное и несопоставимое, что его цена непостижима, для тех “кто там не был”, соревнующееся в репрезентативной возможности в историческом дискурсе, литературе, визуальном искусстве, и свидетельских нарративах”* [20, с. 166].

При том, что сам автор работает в рамках фонда, собирающего свидетельства выживших в Холокосте, исследование С. Гиглиотти “Unspeakable Past as Limit Events” является чуть ли единственным проектом выхода за рамки еврейской проблематики. Обработывая свидетельские показания насильно переселенных австралийских аборигенов между 1910 и 1970 г., главным образом опубликованных в книге “Верните их домой” (“Bringing Them Home”), и сравнивая их со свидетельскими показаниями выживших во время Холокоста людей, данными в ходе процесса над Адольфом Эйхманом в 1961 г. в Иерусалиме, Гиглиотти утверждает, что оба свидетельства являются достаточным основанием для написания *“травмирующей истории”* (“traumatic history”) на основании личных воспоминаний и придании им статуса “событий на пределе” [20, с. 167]. При этом, в основе собственного определения, автор ставит во главу подрывание основ легитимности так называемых цивилизационных тенденций, которые лежат в основе политического и морального сообщества: *“Событие на пределе – это события или практики такой величины и глубины насилия, что их эффекты разрывают противоположные им нормативные основания легитимности так называемых цивилизационных тенденций, которые лежат в основе политического и морального сообщества”* [20, с. 164] (курс. – авт).

Схожую методологию анализа исторических травм на основании опубликованных свидетельских показаний использует украинская исследовательница Оксана Кись, собирая “устные истории” женщины, переживших украинскую трагедию Голодомора [5]. Так в своей работе, после постановки вопроса, автор делает масштабный обзор зарубежной литературы о феномене исторической памяти Травматических событиях, частично затрагивающих тему осмысления Холокоста,

однако не приводя каких-либо сравнений или аналогий. Однако, эта позиция ученого является скорее исключением из общего тренда сравнения этих двух масштабных трагедий XX века. Помимо этого А. Подольский отмечает, что “в последнее время все более приемлемым среди части украинских историков становится экстраполирование самого термина Холокост на события, связанные с Голодомором в Украине 1932–1933 гг. В этом контексте употребляется словосочетание “Украинский Холокост” относительно Голодомора” [8, с. 52; 2]. Также это нашло отражение в 7ми томном собрании свидетельств тех, кто пережил искусственно созданный голодомор–геноцид 1932–33 гг. “Український голокост 1932–1933. Свідчення тих, хто вижив” под издательством “Киево–Могилянської академії” (первый том вышел в 2005 г.).

Несмотря на то, что с этимологической точки зрения название сборника является верным, т.к. энциклопедия Геноцида приводит одно из устойчивых значений слова “холокост” как *“полное уничтожение или опустошение”* (при условии употребления с прописной буквы) и тем самым может служить эквивалентом понятию “геноцид” (что, в частности относится к геноциду армян, которое также носит название “холокост армян”) [22, с. 41–43]. Однако без детального, терминологического пояснения, которое, чаще остается вне поля зрения обывателя, обнаруживается “путаница” в историческом восприятии трагедий. Или, что еще хуже, это идеологическое спекулирование на калькуляции жертв [2].

Ввиду этого, нам представляется особенно важным и продуктивным использование понятие “событие на пределе” для осмысления исторических травм, которыми так печально насыщена история XX века. Категория “событие на пределе” может дать начало именно историко–этической классификации не на основе подсчета жертв, а на основе обнаружения предельности человеческого существования (переживания исторических разрывов).

Событие на пределе – это исторические события на грани трагического опыта, которое открывает перед человеком границы собственного существования и возможности их нарушения, и в каждом отдельном случае испытывает его способность быть выраженным.

Характеризуя “предельные события” мы можем выделить его важнейшие черты: 1) речь идет об исторических событиях, которые оставляют глубокий травматический след и затрагивает все пласты населения, и, возможно, несколько поколений;

2) при их описании необходимо соблюдать тонкую балансировку между осознанием уникальности и сопоставимости исторического события (здесь особенно продуктивной оказывается методология, предложенная Йореном Рюзеном в работе “Новые пути исторического мышления” [13, с. 220–221]);

3) при определении исторических событий, как предельных следует основываться на опыте переживания трагического прошлого, которое с наибольшей силой запечатлено в свидетельских показаниях. Они же, в свою очередь, представляются как “камни преткновения”, как то, память о чем, способна нарушить нормальное течение жизни.

Таким образом, при тщательном рассмотрении исторических и теоретических контекстов для введения понятия “событие на пределе” в рамках дискуссии вокруг исторической репрезентации Холокоста, обнаруживаются методологические основания для его дальнейшего расширения и использования при анализе исторических травм, в которых оголяется предельность человеческого существования. Так, главной заслугой автора является формулирование критериев, с помощью которых возможно обозначить трагические исторические события как предельные, не впадая при этом в крайности сопоставления масштабов и пропорциональном сравнении количества жертв. В рамках дальнейшей работы в данном направлении представляется особенно перспективным более детальное обращение к категориям “опыт” и “свидетельство”, которые в начале XXI века снова обретают значимое место в философском дискурсе, вследствие отхода от слишком длительного и концентрированного сосредоточения на философии языка.

Список использованных источников

- Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель / Агамбен Дж; [Пер. с итал. И. Левина, О. Дубицкая, П. Соколов]. – М.: Издательство “Европа”, 2012. – 192 с.
- Грицак Я. Голокост і Голодомор: виклики колективній пам’яті / Ярослав Грицак // Грицак Я. Страсті за націоналізмом: стара історія на новий лад. Есеї. – К.: Часопис “Критика”, 2011. – С.251–260.
- Грінберг І. Клуби диму, стовп вогню / Ірвінг Грінберг // Поза межами розуміння. Богослови та філософи про Голокост / За ред. Джона К. Рота і Майкла Берамбаума; [Пер. з англ. С. Альошкін]. – К.: Дух і літера, 2001. – С.339–382. – (Серія “Бібліотека юдаїки”).
- Зарецький Ю.П. Документ для історика: источник, свидетель, текст [Електронний ресурс] / Ю.П. Зарецький // Исторический журнал: научные исследования. – 2012. – №1. – С.7–26. – Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2012/02/11/1263500867/Document_Zaretsky.pdf.
- Кісь О. Колективна пам’ять та історична травма: теоретичні рефлексії на тлі жіночих спогадів про Голодомор [Електронний ресурс] / Оксана Кісь // У пошуках власного голосу: Усна історія як теорія, метод, джерело: Зб. наук. праць / За ред. Г. Грінченко, Н. Ханенко–Фрізен. – Харків: Східний інститут українознавства ім. Ковальських, 2010. – С.171–191. – Режим доступу: <http://uamoderna.com/md/216–216>.
- Копосов Н. Политика памяти и мемориальные законы [Електронний ресурс] / Н.Копосов. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Politika-pamyati-i-memorialnye-zakony>.
- Кукарцева М. А. Хейден Уайт и практика исторических исследований XX века. [Електронний ресурс] / М. Кукарцева // Диалог со временем. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – Вып.24. – С.5–34. – Режим доступа: http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva_white.htm.
- Подольский А. Українське суспільство і пам’ять про Голокост: спроба аналізу деяких аспектів / А. Подольский // Голокост і сучасність. – 2009. – №1 (5). – С.47–59.
- Подорога В. Память и забвение. Т.В. Адорно и время “после Освенцима” [Електронний ресурс] // Новое литературное обозрение. – 2012. – №116. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2527>.
- Рикёр П. Память, история, забвение / Поль Рикер; [Пер. с франц. И. И. Блауберг, И. С. Вдовина и др.]. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с. – (Французская философия XX века).
- Росман М. Как писать еврейскую историю в эпоху постмодернизма / Моше Росман // Росман Моше. Сколько еврейского в еврейской истории? [Пер. с англ. Т. Менской]. – М.: Мосты культуры, 2014. – С.13–40. – (Вид с горы Скопус).
- Рулинский В. В. “Спор историков” в Германии: проблема ответственности за нацистские преступления [Електронний ресурс] / В. В. Рулинский // Вестник славянских культур. – 2013. – №1. – С.46–56. – Режим доступа: http://www.gask.ru/publishing/bulletin_of_slavic_cultures/journals/201301/2013_vestnik_1_46–56.pdf.
- Рюзен Й. Нові шляхи історичного мислення / Йорн Рюзен; [Пер. з нім. В. Кам’янець]. – Львів: Літопис, 2010. – 358 с.
- Суковатая В. А. “Философия после Освенцима”: рефлексии военного насилия в западном и постсоветском сознании // Социология: теория, методы, маркетинг. Науч. и теоретич. журнал Ин-та Социологии НАН Украины. – 2010. – №2. – С.112–132.
- Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Хейден Уайт; [Пер. с англ. Под ред. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитонова]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2002. – 528 с.
- Фридландер Ш. От антисемитизма к уничтожению: историография нацистской политики по отношению к евреям и попытка интерпретации / Шаул Фридландер // Яд Вашем: Исследования. – Иерусалим: Национальный мемориал Катастрофы и героизма Яд Вашем, 2010. – Т.2. – С.31–76.
- Шапиро А. С. Понятия “пограничной ситуации” и “события на пределе” в философско-историческом дискурсе / А. С. Шапиро // Міжнародна наукова конференція “Дні науки філософського факультету – 2013”, 16–17 квіт. 2013 р. [матеріали доповідей та виступів] / редкол.: А.С. Конверський [та ін.]. – К.: Видавничо-поліграфічний центр “Київський університет”, 2013. – С.242–244.
- Bernard–Donals M.F., Glejzer R.R. Between Witness and Testimony: the Holocaust and the Limits of Representation / Michael F. Bernard–Donals and Richard R.Glejzer. – Albany: State University of New York, 2001. – 188 p.
- Friedlander S. Introduction / S.Friedländer // Probing the Limits of Representation: Nazism and the “Final colution”; [edited by S.Friedlander]. – London, England; Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. – P.1–21.
- Gigliotti S. Unspeakable Pasts as Limit Events: the Holocaust, Genocide, and the Stolen Generations / Simone Gigliotti // Australian Journal of Politics and History. – 2003. – Volume 49. – Number 2. – P.164–181.
- History and memory. About journal [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.jstor.org/page/journal/histmemo/about.html>.
- Holocaust: the word and its usage / Israel W. Charny with contributions by Rouben Paul Adalian and Steven L. Jacobs // Encyclopedia of Genocide; [ed. by Israel W. Charny, Simon Wiesenthal, Desmond Tutu]. – Santa Barbara: ABC–CLIO. – Vol.1. – P.41–43.
- LaCapra D. History and Memory after Auschwitz / Dominic LaCapra. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1998. – 208 P.
- Lang B. Post–Holocaust. Interpretation, Misinterpretation, and the claims of History / Berel Lang. – Bloomington: Indiana University Press, 2005. – 224 p.
- Lang B. Holocaust Representation: Art within the Limits of History and Ethics. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2000. – 192 p.
- Stamp R. “Do not forget the very thing than will make you lose your memory”: Blanchot’s “desastre” and the Holocaust / Richard Stamp // Theoretical Interpretations of the Holocaust; [ed. by Dan Stone]. – Amsterdam/Atlanta: Editions Rodopi B.V., 2001. – P.127–146.
- White H. Historical Emplotment and the Problem of Truth / Hayden White // Probing the Limits of Representation: Nazism and the “Final colution”; [edited by S.Friedlander]. – London, England; Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. – P.37–53.

References

- Агамбен Dzh. Homo sacer. Chto ostaetsya posle Osventsima: arhiv i svidetel / Agamben Dzh; [Per. s ital. I.Levina, O.Dubitskaya, P.Sokolov]. – М.: Izdatelstvo “Evropa”, 2012. – 192 s.
- Gritsak Ya. Golokost i Golodomor: vikliki kolektivniy pam’yati / Yaroslav Gritsak // Gritsak Ya. Strasti za natsionalizmom: stara istoriya na noviy lad. Eseyi. – К.: Chasopis “Kritika”, 2011. – С.251–260.
- Grinberg I. Klubi dimu, stovp vognyu / Irving Grinberg // Poza mezhami rozuminnya. Bogoslovi ta filosofi pro Golokost / Za red. Dzhona K. Rota i Maykla Berambauma; [Per. z angl. S.Aloshkin]. – К.: Duh i litera, 2001. – С.339–382. – (Seriya “Biblioteka yudayiki”).
- Zaretskiy Yu.P. Dokument dlya istorika: istochnik, svidetel, tekst [Elektronnyy resurs] / Yu.P. Zaretskiy // Istoricheskiy zhurnal: nauchnyie issledovaniya. – 2012. – №1. – С.7–26. – Rezhim dostupa:

http://www.hse.ru/data/2012/02/11/1263500867/Document_Zaretsky.pdf.

5. Kis O. Kolektivna pam'yat ta istorichna travma: teoretichni refleksiyi na tli zhinochih spogadiv pro Golodomor [Elektronniy resurs] / Oksana Kis // U poshukah vlasnogo golosu: Usna Istoriya yak teoriya, metod, dzherelo: Zb. nauk. prats / Za red. G.Grinchenko, N.Hanenko-Frizen. – Harkiv: Shidniy Institut ukrayinoznavstva im. Kovalskih, 2010. – S.171–191. – Rezhim dostupu: http://uamoderna.com/md/216–216.

6. Kopusov N. Politika pamyati i memorialnyie zakonyi [Elektronniy resurs] / N.Kopusov. – Rezhim dostupa: http://www.russ.ru/pole/Politika–pamyati–i–memorial–nye–zakony.

7. Kukartseva M.A. Heyden Uayt i praktika istoricheskikh issledovaniy XX veka. [Elektronniy resurs] / M.Kukartseva // Dialog so vremenem. – M.: Editorial URSS, 2008. – Vyip.24. – S.5–34. – Rezhim dostupa: http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartseva_white.htm.

8. Podolskiy A. Ukrayinske suspilstvo i pam'yat pro Golokost: sprobna analizu deyakih aspektiv / A.Podolskiy // Golokost i suchasnist. – 2009. – №1 (5). – S.47–59.

9. Podoroga V. Pamyat i zabvenie. T.V. Adorno i vremena "posle Osventsima" [Elektronniy resurs] // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2012. – №116. – Rezhim dostupa: http://www.nlobooks.ru/node/2527.

10. Rikyor P. Pamyat, istoriya, zabvenie / Pol Riker; [Per. s frants. I.I. Blauberger, I.S. Vdovina i dr.]. – M.: Izdatelstvo gumanitarnoy literatury, 2004. – 728 s. – (Frantsuzskaya filosofiya XX veka).

11. Rosman M. Kak pisat evreyskuyu istoriyu v epohu postmodernizma / Moshe Rosman // Rosman Moshe. Skolko evreyskogo v evreyskoy istorii? [Per. s angl. T.Menskoj]. – M.: Mostyi kul'tury, 2014. – S.13–40. – (Vid s goryi Skopus).

12. Rulinskiy V.V. "Spor istorikov" v Germanii: problema otvetstvennosti za natsistskie prestupleniya [Elektronniy resurs] / V.V. Rulinskiy // Vestnik slavyanskikh kultur. – 2013. – №1. – S.46–56. – Rezhim dostupa: http://www.gask.ru/publishing/bulletin_of_slavic_cultures/journals/201301/2013_vestnik_1_46–56.pdf.

13. Ryuzen Y. Novi shlyahi istorichnogo mislennya / Yorn Ryuzen; [Per. z nim. V.Kam'yanyets]. – Lviv: Litopis, 2010. – 358 s.

14. Sukovataya V.A. "Filosofiya posle Osventsima": refleksii voennogo nasillya v zapadnom i postsosvet'skom soznaniy // Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing. Nauch. i teoretich. zhurnal In-ta Sotsiologii NAN Ukrainy. – 2010. – №2. – S.112–132.

15. Uayt H. Metaistoriya: Istoricheskoe vobrazhenie v Evrope XIX veka / Heyden Uayt; [Per. s angl. Pod red. E.G. Trubinoy, V.V. Haritonova]. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta, 2002. – 528 s.

16. Fridlander Sh. Ot antisemitizma k unichtozheniyu: istoriografiya natsistkoy politiki po otnosheniyu k evreyam i popytka interpretatsii / Shaul Fridlander // Yad Vashem: Issledovaniya. – Ierusalim: Natsionalnyy memorial Katastrofy i geroizma Yad Vashem, 2010. – T.2. – S.31–76.

17. Shapiro A.S. Ponyatiya "pogranichnoy situatsii" i "sobyitiya na predele" v filosofsko-istoricheskoy diskurse / A.S. Shapiro // Mizhnarodna naukova Konferentsiya "Dni nauki filosofskogo fakultetu – 2013", 16–17 kvit. 2013 r. [materiali dopovidey ta vystupiv] / redkol.: A.E. Konverskiy [ta in.]. – K.: Vidavnicho-poligrafichnyi tsentr "Kiyivskiy universitet", 2013. – S.242–244.

18. Bernard-Donals M.F., Glejzer R.R. Between Witness and Testimony: the Holocaust and the Limits of Representation / Michael F. Bernard-Donals and Richard R.Glejzer. – Albany: State University of New York, 2001. – 188 p.

19. Friedlander S. Introduction / S.Friedlander // Probing the Limits of Representation: Nazism and the "Final colution"; [edited by S.Friedlander]. – London, England; Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. – P.1–21.

20. Gigliotti S. Unspeakable Pasts as Limit Events: the Holocaust, Genocide, and the Stolen Generations / Simone Gigliotti // Australian Journal of Politics and History. – 2003. – Volume 49. – Number 2. – P.164–181.

21. History and memory. About journal [Electronic resource]. – Access mode: http://www.jstor.org/page/journal/histmemo/about.html.

22. Holocaust: the word and its usage / Israel W. Charny with contributions by Rouben Paul Adalian and Steven L. Jacobs // Encyclopedia of Genocide; [ed. by Israel W. Charny, Simon Wiesenthal, Desmond Tutu]. – Santa Barbara: ABC-CLIO. – Vol.1. – P.41–43.

23. LaCapra D. History and Memory after Auschwitz / Dominic LaCapra. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1998. – 208 p.

24. Lang B. Post-Holocaust. Interpretation, Misinterpretation, and the claims of History / Berel Lang. – Bloomington: Indiana University

Press, 2005. – 224 p.

25. Lang B. Holocaust Representation: Art within the Limits of History and Ethics. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2000. – 192 p.

26. Stamp R. "Do not forget the very thing than will make you lose your memory": Blanchot's "desastre" and the Holocaust / Richard Stamp // Theoretical Interpretations of the Holocaust; [ed. by Dan Stone]. – Amsterdam/Atlanta: Editions Rodopi B.V., 2001. – P.127–146.

27. White H. Historical Emplotment and the Problem of Truth / Hayden White // Probing the Limits of Representation: Nazism and the "Final colution"; [edited by S.Friedlander]. – London, England; Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. – P.37–53.

Shapiro H. S., post-graduate student of The Department of the Natural Science Faculties, Philosophy Faculty, Odessa I.I. Mechnikov national university (Ukraine, Odessa), a.s.shapiro.uk@gmail.com

Historical and philosophical context of shaping the concept "event at the limits"

The concept of an "event at the limit" has crystallized during the debate about the possibility of representation of the "final solution" of the Jewish question. Famous Israeli historian, Saul Friedländer, introduced this concept in his introduction to the book "Probing of the Limits of Representation" (1992). Later on, the term was supplemented by P.Ricoeur, and it had been repeatedly used in dozens of philosophical articles and books. While the concept of "event at the limit" is used in the empirical world, it has not been conceptualized till now. The author of this article observed the origins of events that have led to the introduction of a new concept, existing approaches to its definition and the ways of its expansion and application to other historical events. The result of this work is the own definition of the term "event at the limits" and reasons for designation of any another tragic historic events as "at the limit".

Keywords: event at the limit, the Holocaust, historical representation, historical interpretation, narrative, Historians debate.

Шapiro Г. С., аспірантка кафедри природничих факультетів філософського факультету, Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса), a.s.shapiro.uk@gmail.com

Історико-філософський контекст формування поняття "подія-на-межі"

Поняття "подія на межі" виникає в рамках дискусії про можливість репрезентації "остаточного вирішення" єврейського питання. Одного разу запроваджене С. Фрідландером в збірнику "Probing of the Limits of Representation" (1992), доповнене П. Рікером, воно неодноразово використовується в десятках наукових статей і знаходить своє відображення в емпірії. Однак, через більш ніж два десятиліття, поняття "подія на межі" досі не вдалося концептуалізувати. Автор статті розглядає витоки подій, що призвели до ситуації введення нового поняття; висвітлює існуючі підходи до його визначення, а також можливості його розширення та застосування до інших історичних подій. Результатом даної роботи виявляється власне визначення поняття "подія на межі" і підстави для позначення трагічних історичних подій, як межових.

Ключові слова: подія на межі, Голокост, історична репрезентація, історична інтерпретація, нарратив, Сперечання істориків.

* * *

УДК 613.8

Шелюк Л.

кандидат педагогічних наук, доцент, докторант,
Національний педагогічний університет
ім. М. П. Драгоманова (Україна, Київ),
gileya.org.ua@gmail.com

ПОНЯТТЯ СВОБОДИ В СВІТОГЛЯДІ ТА ЦІННІСНИХ ОРІЄНТАЦІЯХ СУЧАСНОЇ МОЛОДІ

Освіта - один з основних соціальних інститутів формування демократичних цінностей і світогляду сучасної молоді, а вищий навчальний заклад є для неї ще й середовищем потенційної реалізації демократичних принципів мислення; саме ВНЗ часто виконає функції громадянської освіти, прищеплюючи студентам різні демократичні якості - єдності, солідарності, толерантності тощо. Найбільш важливою цінністю та ідеалом демократії є свобода як ключова, визначальна, первинна риса громадянина. В статті аналізується вплив демократичних чинників на студентську молодь, розкривається специфіка утвердження цінності "свободи" через формування у студентів позитивних моральних, політичних і правових якостей.

Ключові слова: людина, освіта, виховання, демократичні цінності, свобода.